

У некоторых мужчин после эякуляции происходит отвращение к женщине, которая рядом, и они зачастую ведут себя грубо в такие моменты. К их числу и относился джинсовая куртка.

— Ну ты и блядь, — замахал он головой. — Я таких сроду не встречал.

Мать не успела ничего ответить. Он схватил её за волосы и вздернул вверх.

— Пойдем мужикам расскажем.

Джинсовая куртка за волосы потащил её к подъезду. Платье упало вниз, но смялось сзади, так что половинки задницы были открыты. Одна бретелька сарафана упала с плеча, обнажив левую грудь. Пока джинсовка вёл её к подъезду, я параллельно двигался сзади них и спрятался за своей машиной. Мать её видимо не заметила, её закрывала черная тайота камри.

Джинсовка сжал в кулак материны волосы у неё над головой. Так и подвел её к остальным. Мужики оживились, заохали, заржали.

— Прикиньте, что это шлюха выдала. Я её в жопу трахал, а потом она у меня отсосала, только из жопы хер вытащил.

— Я же говорю, там всё чисто, — оправдывалась мать, её рука держалась за его руку, пытаясь отцепить её от своих волос.

— А потом она попросила, ... чтобы я ей лицо обкончал, глядите!

Джинсовка подтолкнул мать на свет.

Даже со своего места я увидел капли спермы на лице. Мужики обступили её со всех сторон. Один лысый, который чуть не упал мне под колеса, схватил мать за подбородок и смачно харкнул в лицо, бросив:

— Шлюха!

— Эй! — возмутилась мать отталкивая его.

Он грубо схватил её за оголенную сиську, так сильно, что она аж вскрикнула.

— Хорош, Лёшка! Успокойся! — мужики оттащили его в сторону.

— Шлюха драная, — бранился он, еле выговаривая слова.

— Да, что она тебе сделала? — посмеивались над ним мужики.

— Я её... её трахать хочу, — промямлил лысый. На вид он был самый молодой, за тридцать примерно. Он едва стоял на ногах.

— Ты что ещё не трахал её? — спросил Петрович.

— Нет!

— Ооо, это не дело, — сказал джинсовка.

Он задрал матери платье до самых сисек.

— Эй, — снова возмутилась она, пытаясь стащить платье вниз.

— Дай пацану расслабиться, — сказал джинсовка. — Нагнись над лавкой.

Он подтолкнул мать к лавке и надавил на спину, она неохотно повиновалась и выпятила жопу. Ладонями уперлась в лавку.

— Раздвинь, — шлепнул джинсовка ей по ляжкам. Мать шире расставила ноги и согнулась в коленях, так как на платформе была высокой и её задница оказалась выше нужного.

— Иди сюда, Лёха, — позвал джинсовка. Он раздвинул мамины булки, открыв взору обе дырки.
— Хочешь в жопу, хочешь в пизду, выбирай братулец.

Пьяный Лёха вывалил член из спортивных и пристроился к маминой промежности. Она смотрела вперёд, пока пьяный Лёха елозил членом по её промежности, пытаясь найти дырку. Зная дырки своей матери, я могу сказать, что там и слепой попадёт. Но Лёха не справлялся.

— Да у него член не стоит, — сказал один из мужиков, посмеиваясь над ним.

Лёха разозлился и начал сильно хлестать мать по заднице:

— Шлюха вонючая! Сука ебаная!

— Ай, — закричала мать, когда он схватил её за волосы и потянул, вырвал при этом пучок.

Мужики схватили его за руки. Мать отпрянула от него и села на лавку, поправляя волосы.

— Уберите этого придурка! — крикнула она.

— Кто придурок?! — промямлил пьяница, вырываясь из рук друзей.

— Да у тебя не стоит, Лешка, — сказал Петрович, — иди проспись лучше.

— Пусть она ему хотя бы отсосет, а то пацан обидится, — сказал усатый великан.

— Не буду я ему сосать, — возразила мать.

Петрович нагнулся к ней и шепнул на ухо. Я не услышал, что он говорил, но мать согласилась, мол ладно. Наверно Петрович пообещал, что если она отсосет, то они сразу отведут буяна домой.

Мужики подвели лысого к матери, сидящей на лавке нога на ногу.

— Она тебе пососет, только не трогай её, — сказал Петрович Лёхе.

— Соси, сука... , — пробубнил Лёха.

Мать с отвращением взяла в руку его обвисший, но длинный член и направила себе в рот. Начала посасывать, но быстро высунула его изо рта.

— Фу, он воняет, — поморщилась она.

— Давай уже соси, чем быстрее кончит, тем быстрее домой уйдет!

Джинсовка двинул её головой в сторону члену. Мать неохотно продолжила сосать обвисший член пьяницы. Долго она не могла его поднять, даже пришлось вонючие яйца полизать, хоть она и противилась, как могла. Но когда член лысого встал, он оказался таким огромным, что только наполовину заходил в рот матери. Однако кончил он быстро, прямо в рот, без предупреждения. Мать откашлялась и сплюнула сгусток спермы. Лысый обвис на руках мужиков.

— Отлично справилась, — взъерошил ей волосы джинсовка, ещё и похлопал пару раз по щеке, не сильно.

Двое мужиков под руки повели лысого домой. Осталось трое: Джинсовка, Петрович и усатый.

— Выпей с нами? — протянул бутылку пива усач.

— Не хочу, — ответила мать, вытирая лицо подолом сарафана.

Она сидела на краю лавки, положив ногу на ногу. Петрович сел справа от неё, а джинсовка и усач стояли перед ними. Петрович поглаживал мамино бедро, она спокойно сидела.

Тут мать встала и сказал:

— Я наверно пойду, а то с вами скучно становится.

Она специально так сказала, хотела подстегнуть мужиков. Моя мать четко дала понять мужикам, что хочет, чтобы они её начали трахать. Да, она хотела трахаться, а мужики просто бухали. Реакция мужчин последовала мгновенно.

— Стой, — воскликнул джинсовка. — Куда собралась. Сейчас начнем веселье. Иди-ка сюда.

Он взял мать за руку и прижал к себе. Вцепился обоими руками в её сиськи. На лице матери мелькнула довольная улыбка. Затем он задрал подол её сарафана и оголил треугольник волос лобка. Ладонью похлопал её по письке, мать даже слегка раздвинула ноги. Начал бесцеремонно лапать её за голую жопу, держа в руке подол сарафана.

Одним резким взмахом вверх, он через голову сорвал с матери единственную одежду. Теперь из одежды на ней были только босоножки.

— Ты с ума сошёл, — заметалась она. — Отдай сейчас же, вдруг кто пройдет.

— Мы тут уже больше часа сидим, не одной души не было, успокойся, — ухмыльнулся джинсовка и кинул сарафан усачу, тот смял его и засунул себе под футболку.

Картина была конечно постыдная. Моя мать абсолютно голая стояла на улице с едва знакомыми мужиками. Хоть было и тепло днем, но сейчас всё-таки не так тепло, чтобы разгуливать голышом. Свет от подъездного фонаря, который прекрасно освещал голую женщину и её новых друзей, делал эту картину экстремальной.

Мать стояла, сложив руки на животе и просила отдать её одежду. Но не тут то было. Со словами сейчас согреем, джинсовка толкнул её спиной на Петровича, а сам резко стащил штаны, освободив свой крепкий дрын. Петрович подхватил мать под ляжки и задрал их вверх. Джинсовка легко вставил ей, без всякой суеты, и начал быстро трахать, прямо на Петровиче. Мать непрерывно стонала и оглядывалась по сторонам. Джинсовка прилично её жарил в пизду, а Петрович держал её за ляжки. Моя мать, среди ночи, на улице, голая, в окружении неизвестных мужчин, которые трахают её при ярком свете подъездной лампы. Экстрим. Лишь одна пара прошла за это время, женщина и мужчина. Но только я их заметил, так как они прошли в метрах 30 от нас, но смотрели на происходящее у подъезда.

<http://erolate.com/book/903/20611>